

АРХИВ

ПИСЬМА А.М. ДЕБОРИНА Г.В. ПЛЕХАНОВУ (1906—1917)

СПб, 24 Августа 1909 г.

Дорогой и высокоуважаемый
Георгий Валентинович!

Все-таки не выдержал... Долго, о долго я ждал Вашего письма, но не получив его, решил написать Вам вторично. Я знаю, что Вы очень заняты, но, во-первых, я живу при таких условиях, что Ваше письмо мне нужно просто как подкрепляющий напиток...; во-вторых, я же Вам писал о деле, которое для меня имело бы сейчас большое значение. Но, по-моему, оно уже рухнуло. Я думал, что к осени можно было бы все-таки издать мою книжку, тем более это было бы возможно, что я решил отказаться от всякого гонорара — лишь бы ее издать. Или если бы можно было что-нибудь получить, то я согласен во всяком случае на самые скверные условия. Но так оставить я не могу. Если бы Вы нашли, что издать не следует, тогда я бы согласился. Но я уже писал об этом в предыдущем письме, месяца два — три тому назад. Я думаю, что такой издатель, который купил за бесценок, а то вовсе даром получил бы рукопись, все еще нашелся бы. К сожалению, я сам ничего в этом направлении сейчас предпринять не могу по той простой причине, что вечно занят поисками заработка. Вот уже почти год, как живу в Петербурге, и за все время — поверите ли — не достал никакой литературной работы. Я о журнальной работе уже не говорю, так как я для себя не нахожу подходящего журнала, а если бы такой нашел, то он меня не хочет. Но и переводной работы за все время не достал никакой, а между тем люди переводят, зарабатывают и живут. Чтобы не умереть с голоду — в прямом смысле слова, ибо кому может быть дело до меня и моей семьи — я поступил на службу в контору одной еврейской газеты просто конторщиком, переписчиком. Занят целый день, да и отсюда придется скоро по некоторым причинам уйти... Я Вам об этом не писал, да и не хотел теперь писать, но пришлось. Быть может, у Вас имеются в Петербурге такие знакомые, при посредстве которых можно было бы немного иначе и лучше устроиться, поближе, скажем, к литературе.

Окончание. Начало см.: Человек. 2010. № 4.

Теперь, надеюсь, Вы поймете, почему Ваши письма независимо от всего прочего являются для меня столь дорогими. Они меня освежают, вливают в жилы мои бодрость и проникают во всю мою душу особым чувством надежды, радости и подъема душевного. Соприкосновение с Вами действует на меня оздоровляюще... Но хватит излишней и признаний, правда?

Но что писать Вам более отрадного. Я, по крайней мере, весь проникнут пессимизмом по отношению к *настоящему*: все вижу в черном цвете. Повсюду мне мерещится (“мерещится” ли только?) пошлость, продажность и лицемерие. Литература захватана грязными руками и гешфтмахерами. Это относится, к сожалению, не только к специфической “литературе”, но и к более серьезной, к мнящей себя “идейной”. Но это слишком большой вопрос, чтобы об этом можно было спокойно говорить... У нас началась, с позволения сказать, предвыборная кампания. Пока, разумеется, на страницах газет и в кабинетах “лидеров”. Социал-демократы выступают в газете “Новый день”. Но, боже мой, в какой “компания” ведется “кампания”...

Надеюсь, что Вы не долго заставите меня ждать Вашего ответа. Будьте здоровы. Крепко, крепко жму Ваши руки. Горячий привет Вашей семье.

Преданный Вам А. Иоффе

Мой адрес: С. Петербург, Фонтанка, 139, кв. 18. Яшунскому для Абрама.

СПб, 30 Сентября [19] 09 г.

Дорогой и глубокоуважаемый
Георгий Валентинович!

Прежде всего позволю себе поблагодарить Вас за ту заботливость, которую Вы проявляете по отношению ко мне. Немедленно по получении Вашего письма я отправился к Дукату, затем познакомился с Кланг, а на днях встречусь и с Каганом. Быть может, со временем какая-нибудь работишка и найдется. Но сейчас ничего нет. Хуже всего то, что положительно некуда девать свои силы, Я задумал большую работу о наших направлениях, умственных течениях и т.д.; поставил себе целью выяснить и осветить “*пуши жизни*”, рассматривать и изучать *формы* жиз-

А.М. Деборин
1910-е годы
(фотография из
семейного архива
А.М. Деборина)

ни, *идеалы* ее, поскольку они находятся в связи с теоретической философией, с метафизикой и религией. Цели и идеалы жизни до сих пор находили свое обоснование в метафизике и религии и вели в силу этого к *отрицанию самой жизни*. Новые социальные формы порождают новую теоретическую философию, отрицают метафизику, религию и всякую мистику и влекут за собою новые идеалы и цели жизни, имеющие свои теоретические корни в новом *миро-воззрении*, признающем лишь земной мир в качестве реальности и отрицающем всякие “верхи” (т.е. *сверхчувственный, сверх-эмпирический* и проч. метафизические миры). Это, разумеется, не ново. Но мне кажется, что сейчас, когда *теоретические* вопросы перенесены с плоскости *рационалистической* на почву *психологическую*, когда “личность” обратила свой взор “во внутрь” и ищет *смысла* своего существования, цели [слово “своей” зачеркнуто] жизни, мы должны пойти навстречу *психологической* потребности, направив ее вместе с тем в иное, “общественное” русло. Не знаю, достаточно ли ясно я выразился и понял ли Вы меня в достаточной степени. Одно для меня ясно: это то, что необходимо прежде всего приступить к критике всех религиозных “течений”, с чего Вы и начали. Ваша статья о религиозных исканиях¹ была мною прочитана с величайшим интересом. Такие работы сейчас нужнее всего. Вы, по обыкновению, захватываете вопрос очень широко, и это придает Вашим работам неувядающее значение. Я не могу поставить себя рядом с Вами, конечно, но чувствую, что я мог бы хоть кое-что сделать в смысле уяснения тех “путей жизни”, которыми нам следует шествовать. Но, к сожалению, мне приходится отказываться от литературного труда уже потому одному, что негде печататься. Раз работа, написанная два с половиною года тому назад, еще по сей день не издана, то какой смысл имеет писать на такие темы, как современный русский гностицизм и своеобразный “христианско-модернистский” прагматизм, “марксистский” прагматизм в социалистической религии Луначарского и пр., которые имеют актуальный интерес и вместе с тем не могут быть “обнаружены” перед читателями? Но, слава Богу (какой религиозно-метафизический оборот речи в устах марксиста!), что будущее принадлежит нам...

Вышло ли у Вас что-нибудь со знакомым, на которого Вы надеялись, что он издаст мою книжку. Пишите, Георгий Валентинович. Не заставляйте меня долго ждать Ваших писем. Вы не можете себе представить, с каким волнением я их жду. Как бы мне хотелось увидиться с Вами! Какую я тоску временами чувствую по Вас, если бы Вы это знали. Ведь у меня с Вашим образом ассоциировано столь многое... Еще раз благодарю за хлопоты Ваши. Пожелаю Вам всего наилучшего и, главное, здоровья. Крепко жму обе руки Ваши.

Всецело Вам преданный

А. Иоффе

Горячий привет Вашей семье.

¹ Плеханов Г.В. О так называемых религиозных исканиях в России // Совр. мир. 1909. № 9, 10, 12.

[Варшава, 1910 г., начало]

Дорогой Георгий Валентинович!

Мое последнее письмо могло быть Вами неправильно понято, и Вы наверно усмотрели в нем известную некорректность или даже грубость по отношению к Вам. Но как бы Вы ни истолковали его, мои чувства и привязанность к Вам от этого не изменятся, и Вы навсегда останетесь дорогим моему сердцу учителем. Так как Вы не реагировали ничем на целый ряд моих писем, то я думаю, что Вы отзоветесь на *такое* письмо. Но Вы этого не сделали. Почему? Не знаю. Если бы вошли в мое положение, а Вы, как всякий крупный человек, способны проникнуться переживаниями и чувствами другого, то Вы бы *поняли* меня. Условия жизни поставили меня в ужасное положение. Не буду жаловаться на отношение разных товарищей — это и бесполезно, и унижительно. Единственный человек, которому я многим обязан и который много уже сделал для меня — это Вы. Находясь в таком положении, я ищу из него выхода. Это чисто личные переживания, быть может, неинтересные для постороннего. Но в том-то и дело, что *Вас* я не считаю посторонним человеком. И то, что я Вам напишу, другому писать не буду.

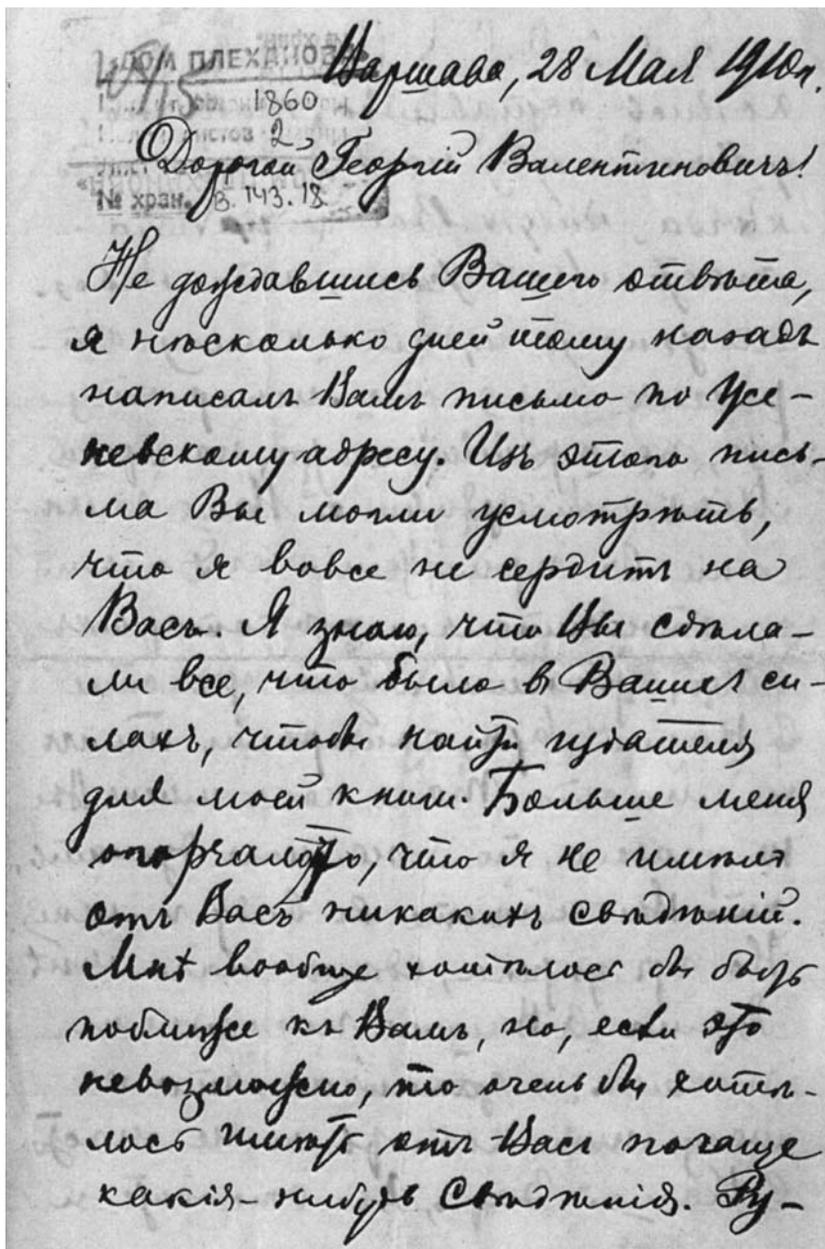
Сейчас я Вас ни о чем не прошу, как только об одном: напишите, как Вы себя чувствуете и что Вы предпринимаете на будущее время. Свою рукопись я все равно считаю уже устарелой. Печатать ее теперь не имеет, вероятно, уже смысла. Ведь книга Ленина²; по крайней мере, [слово “судя” зачеркнуто] по “архитектонике”, копия моей. Зачем обременять литературный рынок лишним балластом? Думаю, что Вы с этим согласны.

Ужасно жаль только, что нет реальной возможности использовать литературные силы вообще. Нет ни одного органа, к которому было бы “приткнуться”. При известном “желании” Вы могли бы, кажется, сгруппировать вокруг себя некоторые силы и [слово “мысли” зачеркнуто] кое-что предпринять для издания если не ежемесячного журнала, то периодических сборников. К Вашему голосу прислушивались бы все [слово “слой” зачеркнуто] слои общества, и Вы сами, кажется, не учитываете того влияния, какое Вы могли бы оказать, несмотря на то, что Вы *теперь* как будто остались *одни*. В Совр[еменном] Мире Ваши статьи утопают в целой гряде обычного журнального материала. И я всегда с сожалением и с болью в сердце смотрю на это. Конечно, раз нет других возможностей, то и эту приходится использовать. Но журнал не носит печати *Вашей* личности.

Неужели Вы не могли бы издать сборника, посвященного хотя бы Вехам и махистам. Ведь мы почти или вернее вовсе не реагировали, как организованное (хотя бы и “плохо организованное”) целое, между тем как это могли с тем или иным успехом сделать как кадеты, так и эсеры.

Письма
А.М. Деборина
Г.В. Плеханову

² “Материализм и эмпириокритицизм”.

Фрагмент письма
 А.М. Деборина
 Г.В. Плеханову от
 28 мая 1910 года

Так или иначе, но ведь необходимо же сделать что-нибудь для создания какого-нибудь коллектива литературного. Так как письмо написано впопыхах, то я, быть может, не настолько ясно выразился, чтобы Вы меня правильно поняли. Вина моя. Дозрею как-нибудь. Надеюсь, что Вы не замедлите ответить. В противном случае мне придется попросить брата моего съездить в Женеву специально повидать Вас. Я лишен этой возможности. А как бы мне хотелось с Вами повидаться!

Пожелаю Вам всего наилучшего, а главное здоровья.
Крепко жму Вашу
руку

Ваш А. Деборин

Привет Вашей семье.
Мой адрес Вам известен.

P.S. Помните ли Вы, что года четыре тому назад я в письме к Вам предсказал увлечение прагматизмом?

А.Д.

Варшава, 28 Мая 1910 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Не дождавшись Вашего ответа, я несколько дней тому назад написал Вам письмо по женевскому адресу. Из этого письма Вы могли усмотреть, что я вовсе не сердит на Вас. Я знаю, что Вы сделали все, что было в Ваших силах, чтобы найти издателя для моей книги. Больше меня огорчало то, что я не имел от Вас никаких сведений. Мне вообще хотелось бы быть поближе к Вам, но, если это невозможно, то очень хотелось бы иметь от Вас почаще какие-нибудь сведения. Рукопись оставляю, конечно, у Вас и буду надеяться, что когда-нибудь Вы ее напечатаете. Мне жаль, что невозможность издать книгу отрезала меня от литературы, по крайней мере, на время. Меня очень удивило Ваше замечание в приложении к Дневнику³ относительно некоторых лиц, принимающих участие в Нашей Заре⁴ которым там нет места. Так как имен Вы не указали, то я не мог думать, что Вы имеете в виду и меня. Но из упрека, сделанного мне Вами в Вашем последнем письме, я заключаю, что к числу лиц, которым не место в Нашей Заре, Вы относите и меня. Ввиду этого я заявляю Вам прямо, что я ни в каких журналах не принимаю участия. В Нашей Заре на обложке в числе сотрудников действительно значится мое имя. Но это объявление явилось для меня такой же, если не большей, неожиданностью, как и для Вас. Меня не предупреждали об этом, а просто поставили мое имя, не спрашивая меня [слово “обо” зачеркнуто] о моем согласии или несогласии. Сперва из объявления в Речи⁵, [нрзб, два слова зачеркнуты] а потом из объявления в Нашей Заре я узнал, что я состою сотрудником этого журнала. Ни в этом журнале, ни в другом (кроме Совр[еменно-го] Мира, который, кстати, настолько деликатен, что держит по целому году рукопись в портфеле, прежде чем ее напечатать, каковое обстоятельство меня окончательно оттолкнуло от этого журнала) *я не напечатал ни одной строки*. Вашего упрека, стало быть, не заслужил. Вот все, что могу Вам ответить по поводу этого Вашего замечания. Вы осудили меня за поступки, в совершении которых я нисколько не повинен.

Есть охота написать о прагматизме в связи с махизмом и богоискательством, но беда именно в том, что негде печатать.

Письма
А.М. Деборина
Г.В. Плеханову

³ “Дневник социал-демократа Г.В. Плеханова” — журнал, издавался в Женеве и Петербурге в 1905–1912 годах.

⁴ “Наша заря” — журнал, издавался в Петербурге в 1910–1914 годах.

⁵ “Речь” — газета, издавалась в Петербурге — Петрограде в 1906–1917 годах.

Надеюсь, что “недоразумение” устранено. Желаю Вам всего наилучшего. Глубоко Вас уважающий и преданный Вам

А. Иоффе

Варшава, 30 Октября 1910 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Из прилагаемого письма Вы увидите, что “Общественная Польза”⁶ напечатала бы мою книгу. Но так как у меня денег нет “ни-ни”, то мне, быть может, удастся добиться, чтобы они ее напечатали целиком в кредит. Посему мне было бы желательно выслушать и Ваше мнение. Я за заработком не гонюсь; не потому, конечно, чтобы он мне не нужен был, а потому, что мне хочется, чтобы вещь эта была напечатана. Быть может, и Вы от своего имени напишете несколько слов “г-ну директору”. Если Вы согласитесь передать “Общественной Пользе” рукопись на таких условиях, то я попрошу Вас потрудиться привести в порядок рукопись и написать предисловие. Хочется мне уже покончить с этой работой, чтобы можно было взяться за другую. Что мы будем держать ее в архиве. У меня имеются последние главы. Не переслать ли Вам? Так как я должен же кое-что ответить Обществ[енной] Пользе, то прошу Вас не задерживать ответа.

Буду рад узнать более подробно о Вашем здоровье. Я уже так долго не имел от Вас писем. Хотелось бы мне очень повидаться с Вами, но, очевидно, не скоро исполнится [нрзб, слово зачеркнуто] мое желание.

Мне передавали, что скоро начинает выходить в России газета, в которой Вы будете [нрзб, слово зачеркнуто] принимать близкое участие. Правда ли это?

Благодарю Вас за те теплые строки, которые Вы в своем письме о философии посвятили моему “Введению”⁷.

Привет Вашей семье.

Желаю Вам всего наилучшего. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Иоффе

Варшава, 25 марта 1911 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Много времени прошло с тех пор, как я получил Ваше последнее письмо. До настоящего дня ответить не мог. Вел переговоры с Общ[ественной] Пользой насчет издания книги. Требуют г-да директора, чтобы я “участвовал” в расходах по изданию. Не скажу, чтобы это было очень выгодно для меня.

Но так как я хочу освободиться уже от этой рукописи, то решил пойти на самые для меня невыгодные условия. Сначала я было решил успокоиться на том, чтобы рукопись покоилась

⁶ “Общественная польза” — издательство, существовало в Санкт-Петербурге в 1859–1911 годах.

⁷ Имеется в виду рукопись А.М. Деборина “Введение в философию диалектического материализма”.

где-нибудь у Вас или у меня, так как триста рублей для меня сумма “непосильная”. Но после долгих размышлений и переговоров с денежными людьми, я твердо решил деньги эти одолжить (проценты буду платить порядочные) и книгу издать. В книгу войдут еще три главы: об эмпирио-символизме, прагматизме и глава о Толстом. Глава об эмпирио-символизме была напечатана в Совр[еменном] Мире⁸, а глава о прагматизме и статья о Толстом еще нигде напечатаны не были. Кстати, должен выразить Вам особую благодарность за статью о Толстом⁹. После смерти Толстого у нас воцарилась необычайная растерянность. Люди доходили до того, что идеалистическое учение Толстого объявили чуть ли не самой “передовой” идеологией. Спасибо, что Вы вступили в борьбу с таким ложным пониманием и ложной оценкой учения Толстого. Мудрец должен бороться против ложной оценки вещей. Это его обязанность и его задача.

Итак, решив издать книгу, я прошу Вас распорядиться, чтобы мне выслали по адресу редакции газ[еты] “Дэр Фрайнд”, Варшава, Долгая 23 *казным* письмом ту часть рукописи, которая хранится у Вас. И попрошу Вас это сделать чем скорее, так как не хочу терять времени. Господа из Общ[ественной] Пользы желают предварительно еще ознакомиться с содержанием рукописи. Доставим им это удовольствие.

На Ваш вопрос, получил ли я приглашение сотрудничать в московском журнале, могу ответить: нет, никаких приглашений ни от кого не получал.

Буду рад получить от Вас ответ и сведения о Вашем здоровье. С нетерпением жду Ваших писем. Мой привет Вашей семье.

Крепко жму Вашу руку

Ваш А. Иоффе

[Варшава, 1911 г., 2-я пол.]

Дорогой Георгий Валентинович!

Я в долгу перед Вами. Вы просили сообщить Вам о получении рукописи. Рукопись получил, но писать не мог — такие сложились условия. Я просил одного нашего общего знакомого передать Вам лично мой привет и причину молчания. Надеюсь, что он это исполнил. С Общ[ественной] Пользой у меня, конечно, ничего не вышло. Сначала мне предложили взять на себя часть расходов, которая оценивалась приблизительно в 300 р. Эту сумму добрый человек хотел мне одолжить. Затем “часть расходов” превратилась в большую часть, что мне было уже и не по силам и не выгодно. Я думаю, что эта история Вам уже достаточно надоела, а мне и подавно, а потому об этом довольно. Впрочем, еще одно слово. Написал я письмо Бончу¹⁰, предложил ему издать, но и он отказался ввиду отсутствия... читателя. Исчез читатель — вот общий вопль.

⁸ В виде рецензии на книгу П.С. Юшкевича, см.: Деборин А.М. Диалектический материализм и эмпириосимволизм. [Рец на кн.:] Юшкевич П.С. Материализм и критический реализм. СПб., 1908 // Совр. мир. 1908. № 10. С. 123–134.
⁹ См.: Плеханов Г.В. Карл Маркс и Лев Толстой // Социал-демократ (газ.). 1911. 13–26 янв.
¹⁰ Бонч-Бруевич В.Д. (1873–1955) заведовал большевистским издательством “Жизнь и знание”.

Как Ваше здоровье? Давно уже не имел от Вас никаких сведений. Буду очень, очень рад получить от Вас весточку,

Не знаете ли, где бы можно было пристроить статью о Толстом. Статья написана сейчас же после смерти Толстого. Отправил я ее в Совр[еменный] Мир, но так как наши взгляды в отношении жизнепонимания и роли Толстого расходятся, то Совр[еменный] Мир, конечно, отказался напечатать. Ничего против этого иметь не могу.

А вот “Человек — машина”¹¹ в русском переводе наконец появился. Сохранился ли у Вас еще мой перевод? Жалко, что нас опередили.

Будьте здоровы. Напишите по указанному адресу сейчас же, а то госпожа уедет. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Иоффе

Варшава, Ноября 9 дня 1912 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Я давно уже не писал Вам, и Вы, вероятно, уже забыли про мое существование. Я во всяком случае думаю о Вас постоянно. Теперь у меня к Вам спешное дело, и я Вас прошу, *очень* прошу немедленно ответить мне на это письмо, так как Ваш ответ хочу использовать для печати.

Дело в следующем. От Варшавы, как Вам известно, в депутаты выбран кандидат блока (п.п.с.¹² и бунда¹³), рабочий Ягелло. В Польше вообще, а в Варшаве в частности происходит ожесточенная борьба между польской и еврейской буржуазией. Польская буржуазия стремится к ограничению прав еврейской буржуазии, а вместе с ней и еврейского и польского пролетариата. На выборах в Четвертую Думу все группы польской буржуазии объединились для борьбы с “евреям” и выдвинули общую кандидатуру Кухаржевского, который публично высказался за ограничение прав евреев в местном самоуправлении, а равно и за борьбу с евреями в области экономической. В противовес польской буржуазии и еврейская выступила объединенно. И прежде всего она повела борьбу против кандидатуры Кухаржевского. Она требовала, чтобы польская буржуазия выставляла “приемлемого” и для нее кандидата, т.е. такого, который стоял бы за равноправие евреев. Но польская буржуазия не “могла” пойти навстречу требованиям евреев и от своего кандидата не отказалась. С другой стороны, еврейская буржуазия не настолько сильна, чтобы она могла самостоятельно вести борьбу против польской буржуазии. Стало быть, своего кандидата она тоже не могла провести в Думу.

Еще задолго до выборов я все это предвидел и повел в местной демократической прессе агитацию за социалистического кандидата. Я первый открыто, в прессе, указал на *объективную* [слово “необходимость” зачеркнуто] возможность провести такого депутата от Варшавы [слово “который” зачеркнуто]

¹¹ Сочинение Ж.О. Ламетри.

¹² Польская социалистическая партия (ППС — Польша партия социалистична).

¹³ Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России.

при сложившихся в данном городе условиях. Но в противовес еврейской и польской буржуазии, в противовес польскому и еврейскому национализму необходимо было для этой цели противопоставить объединенный “левый” (т.е. с[оциал-]д[е-мократический]) блок и по городской курии. Левый блок провалился и не провел ни одного выборщика. Зато рабочая курия провела трех социалистов (одного п.п.с. и 2 п.с.д.¹⁴). Надежда противопоставить “национализму” — социализм, надежда использовать борьбу польской и еврейской буржуазии в интересах пролетариата хотя и была уже слабая, но окончательно не рухнула. Еврейской буржуазии я указывал в прессе, что для нее есть только один выход, если она серьезно борется за равноправие. И этот выход — отдать свои голоса представителю рабочих. Евреи на это пошли. Но тут оказалось, что п[ольские] с.д-ки [эсдеки] по “принципиальным” соображениям отказались от поддержки социалистической кандидатуры, которую намерены были поддерживать представители еврейской буржуазии. И оба [представителя] п.с.д. ушли из коллегии выборщиков, обнародовав “декларацию”, в которой говорится о том, что с[оциал-]д[емократы] не могут мол принять мандата из рук буржуазии. Мимоходом замечу, что ни в какие *блоки и соглашения* с евр[ейской] буржуазией никто не входил. В коллегии выборщиков остался, так[им] образом, только один [представитель] п.п.с, кандидатуру которого выставил левый блок. В коллегии выборщиков оказалось 34 поляка — представители польской буржуазии, и 46 представителей евр[ейской] буржуазии. Все еврейские выборщики отдали свои голоса единственному социалисту — рабочему Ягелло. Казалось бы, что это [нрзб, слово зачеркнуто] огромная идейная победа; казалось бы, что эту победу необходимо было использовать во всех смыслах. Но не тут-то было. Повсюду имеются *stange* доктринеры, которые затвердили азбуку, а дальше ни с места. Есть Ленин в штанах, есть Ленин в юбке и есть просто ленинские гермафродиты. “Принципиальная” мотивировка с-деков [эсдеков] во многом совпадает с мотивировкой польской буржуазии. Отказ с[оциал-]д[емократов] поддерживать кандидатуру рабочего — неслышанный скандал, а их резкое выступление *против* этой кандидатуры — позор на весь мир. Но дело не в этих моральных оценках. Дело еще в том, что в одном из последних номеров “Leipziger Volkszeitung”¹⁵ Роза Люксембург¹⁶ выступила со статьей [нрзб, фраза зачеркнута], в которой она нападает на депутата Ягелло — значит козвенно на всех, стоявших за соц[иалистического] кандидата — и на евреев. Нельзя же с[оциал-]д[емократу] нападать на евреев за то, что они голосовали за с-дека [эсдека] и смешивать их за *это* с грязью. Польская буржуазия использует все такие выступления в свою пользу. А если принять во внимание тот всеобщий экономич[еский] бойкот, который “поляки” проповедают по отношению к евреям за *избрание Ягелло*, если принять

¹⁴ Имеется в виду Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПЛ). Эта партия находилась в соглашении с РСДРП.

¹⁵ “Лейпцигская народная газета”.

¹⁶ Один из лидеров СДКПЛ.

во внимание то погромное настроение, которое господствует среди польской буржуазии, то Вы поймете, на чью мельницу эти господа с-деки [эсдеки] льют воду. Травля евр[еев] со стороны польск[ой] буржуазии понятна, но травля со стороны людей, считающих себя с-дами [социал-демократами], травля за избрание Ягелло — это преступление. “Мнению” этих людей мне хочется противопоставить Ваши соображения. Вся польская бурж[уазная] печать ловит каждое слово, кот[орое] им выгодно. Необходимо, чтобы Вы высказались по этому вопросу так, чтобы Ваши соображения можно было использовать для печати. Очень прошу Вас в интересах дела не задерживать ответа.

Пишите, как Вы себя чувствуете, как теперь Ваше здоровье.

Привет Вашей семье.

Крепко жму Вашу руку

Ваш А. Деборин

Пишите просто на имя редакции “Дэр Фрайнд”, Варшава, Электоральная, 41; без имени и фамилии и непременно заказным порядком.

Еще несколько слов. Это единственный, быть может, пример в истории, когда вся буржуазия (еврейская) единодушно голосовала за социалиста, полагая, что только социалисты способны отстаивать равноправие национальностей. Ведь это замечательнейший исторический факт. — Возникли сомнения относительно приема Ягелло в с[оциал-]д[емократическую] фракцию. Желательно, чтобы Вы высказались и по этому вопросу. Итак, вопросы сводятся к след[ующим]:

1) Считаете ли Вы тактику людей, отстаивающих при вышеуказанных условиях соц[иалистические] кандидатуры, правильной?

2) Считаете ли Вы возможным [нрзб, слово зачеркнуто], чтобы социалист [нрзб, фраза зачеркнута] воспользовался голосами буржуазии?

3) Считаете ли Вы тактику п.с.д. правильной?

4) Следует ли нападать на евреев за то, что они отдали свои голоса социалисту?

5) Каково Ваше мнение относительно приема Ягелло в с[оциал-]д[емократическую] фракцию? Затем общие соображения относительно [нрзб, слово зачеркнуто] положения Польши и относи[тельно] взаимной борьбы национальностей; роль соц[иалистов] в этой борьбе.

9/II 1913 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Очень благодарен Вам за Ваши строки и за Ваше ко мне расположение. Единственная мечта моя — это увидиться с Вами. К сожалению, материальные дела мои очень плохи, и о по-

ездке за границу я могу только мечтать. Я послал Вам статью о философских основах жизнепонимания Толстого. Критическая сторона статьи не разработана как вследствие того, что я предполагал написать брошюру и во второй части противопоставить толстовству основы жизнепонимания с точки зрения нашего мировоззрения с подробной критикой толстовства. Посланная же Вам статья представляет собой, таким образом, незаконченную еще работу, чем и объясняются крупные ее недостатки. Тем не менее, я Вам послал ее для помещения в Современнике¹⁷, если Вы это найдете возможным. Мне приходится работать при весьма неблагоприятных условиях, так как чуть ли не двенадцать часов в сутки работаю в конторе газеты, чтобы поддержать материальное свое существование. Впрочем, и этого, вероятно, скоро лишусь.

Если Вы стоите близко к Современнику, то не найдете ли возможным найти там для меня какую-нибудь постоянную работу. Быть может, мне бы согласились передать какой-нибудь постоянный, публицистический, скажем, отдел. В Современном Мире творится вообще что-то неладное. Лежит у них моя статья о прагматизме¹⁸ уже три года, и я не могу добиться, чтобы они ее напечатали. Я бы ничего не имел против редакции, если бы она нашла статью неподходящей. Но приняли же статью и держат ее в портфеле три года. Впрочем, Аллах с ними. При теперешних условиях нельзя и думать, видно, о постоянном литературном заработке.

Будьте добры ответить мне, может ли быть напечатана в Современ[еннике] статья о Толстом.

Ваши работы Все читаю, не пропускаю, разумеется, ни одной статьи. Желаю Вам только здоровья и долголетия, чтобы Вы работали много на пользу дорогого всем нам дела.

Будьте здоровы. Крепко жму Ваши руки и с нетерпением жду Ваших писем. Ваш А. Иоффе

Варшава, Августа 10 дня 1913 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

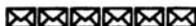
Снова “деловое” письмо. Мне очень жаль, что мне приходится писать Вам только “по делам”, да еще “личным”. Ваше письмо относительно статьи о Толстом, а равно и самую рукопись я получил. Очень благодарю Вас за указания. Я вынес впечатление, что статья Вам не понравилась. Что статья изобилует повторениями, — это я хорошо знал. Я сам предупредил Вас, что она написана на скорую руку и при таких условиях, что об “отделке” я думать не мог.

Теперь у меня к Вам другое дело. Бонч-Бруевич согласен издать мое “Введение в философию [диалектического материализма]”. Я уже выслал ему рукопись и распорядился, чтобы Вам высылались корректурные листы, так как Вы в свое время

¹⁷ “Современник” — журнал, издавался в Петербурге в 1911–1915 годах.
¹⁸ См.: Деборин А.М. Прагматизм и религия // Совр. мир. 1913. № 4. С. 1–22.

АРХИВ

KANTOR
 CODZIENNEJ
 SPOLECZNO-POLITYCZNEJ
 I LITERACKO-NAUKOWEJ GAZETY
 „DER FREUND”
 Warszawa, Elektoralna № 41.
 Telefon № 9123.

1867
 814.25.

קאנטאר
 פון דער צייטונג
 „דער פריינד”
 ווארשע, עלעקטאראלנא 41
 9123 טעלעפאן

Варшава, Августе 10 дня 1913.

Дорогой Георгий Валентинович!

Снова „отцовское” письмо. Оно мне очень
 мило и мне приходится писать Вам письмо
 „по отцам”, да еще „личным”. Ваше письмо
 откровеннейшим образом и поощряет, а
 равно и самую рукопись я получил. Мне
 очень благодарно Вас за указание. Я ва-
 нее впечатлительнее, что касается Вас не
 поправок. Кто ставит поправки
 по авторским, — это и хорошо знает. Я
 сам предвзвешиваю Вас, что она написана
 на спорной руке и что она человек,
 что об „авторстве” я думаю не могу.

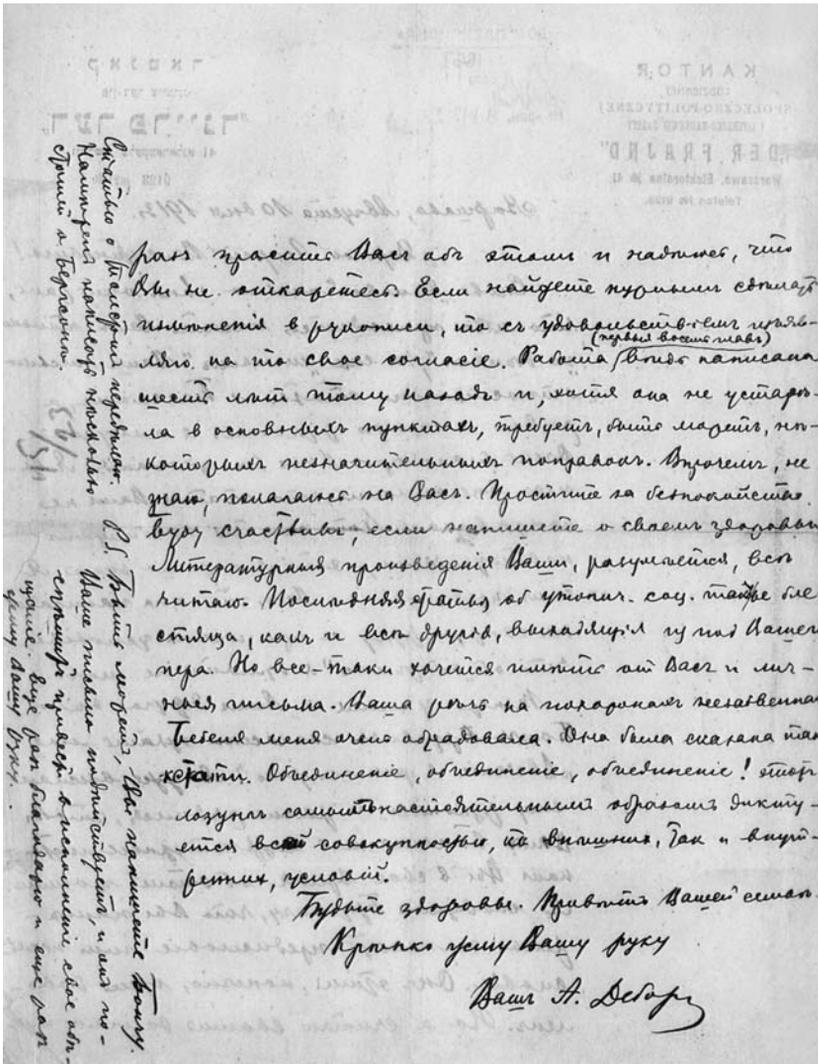
Теперь у меня к Вам другое дело.
 Бруевичу кажется лучше мне
 „Введение к философии”. Я уже объяснил
 ему рукопись и разъяснил, почему
 Вам выказывалось жадно и даже
 как Вы в свое время об этом прочитали.
 Я сообщил Бруевичу, что Вы наша
 рецензия написана предисловие или послес-
 ловие. Он знает, конечно, очень дово-
 лен. Но я считаю своим долгом еще

Адрес для телеграмм: Варшава „Фрайнд”.

Письмо (на бланке
 газеты „Дэр
 Фрайнд”)
 А.М. Деборина
 Г.В. Плеханову
 от 10 августа
 1913 года

¹⁹ См.: Плеханов Г.В.
 Французский утопи-
 ческий социализм
 XIX века // Совр.
 мир. 1913. № 6, 7.

об этом просили. Я сообщил Бруевичу, что Вы намерены на-
 писать предисловие или послесловие. Он этим, конечно,
 очень доволен. Но я считаю своим долгом еще раз просить Вас
 об этом и надеюсь, что Вы не откажетесь. Если найдете нуж-
 ным сделать изменения в рукописи, то с удовольствием изъяс-
 няю на то свое согласие. Работа (первые восемь глав) ведь на-
 писана шесть лет тому назад и, хотя она не устарела в основ-
 ных пунктах, требует, быть может, некоторых незначительных
 поправок. Впрочем, не знаю, полагаюсь на Вас. Простите за
 беспокойство. Буду счастлив, если напишете о своем здоро-
 вье. Литературные произведения Ваши, разумеется, все чита-
 ю. Последняя статья об утопич[еском] соц[иализме]¹⁹ так
 же блестяща, как и все другие, выходящие из-под Вашего пе-
 ра. Но все-таки хочется иметь от Вас и личные письма. Ваша

речь на похоронах незабвенного Бебеля²⁰ меня очень обрадовала. Она была сказана так кстати. Объединение, объединение, объединение! Этот лозунг самым настоятельным образом диктуется всей совокупностью, как внешних, так и внутренних, условий.

Будьте здоровы. Привет Вашей семье.
Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Деборин

Статью о Толстом переделаю. Намерен написать несколько статей о Бергсоне.

P.S. Быть может, Вы напишете Бончу. Ваше письмо подействует, и он поспешит привести в исполнение свое обещание. Еще раз благодарю и еще раз жму Вашу руку.

²⁰ Бебель А. (1840–1913), один из основателей (1869) и руководитель немецкой социал-демократической партии и 2-го Интернационала.

АРХИВ

Варшава, Октября 24 дня 1913 г.

Дорогой Георгий Валентинович!

Несколько месяцев тому назад я написал Вам письмо, в котором сообщил Вам, что Бонч-Бруевич издает мою книгу. Так как я ему писал, что книга будет снабжена Вашим предисловием, то Бонч-Бруевич “требуется” его у меня, а я, конечно, предисловия Вашего не имею. Я знаю, что Вы всегда завалены работой; поэтому меня не удивляет Ваше молчание. Хорошо понимаю, что Вам необходимо вторично ознакомиться с содержанием книги для того, чтобы написать предисловие. Ввиду этого я и просил Б[онч]-Бруевича, чтобы он высылал Вам корректурные листы. Кстати, Вы бы вносили необходимые на Ваш взгляд поправки. К сожалению, я ответа от Вас никакого не получил. Я лично, ценя Ваше время, удовлетворился бы, если бы Вы написали хоть несколько слов Бончу, а не мне лично. Ведь Б[онч]-Бруевич может мне и не верить; другое дело, если бы Вы ему сообщили, что намерены написать предисловие.

Мне всегда тяжело отнимать у Вас время и беспокоить Вас, но Вы своим теплым и добрым отношением ко мне сами дали мне это “право”. Я уверен, что Ваше отношение ко мне не изменилось, а потому я имею смелость снова обратиться к Вам с просьбой относительно предисловия. Я привык считаться с каждым Вашим словом. Вот статья о Толстом у меня лежит, и я не осмеливаюсь послать ее в редакцию журнала только потому, что она Вам, как я понял, не особенно понравилась. И книги я не могу издать без Вашего одобрения и без Вашего предисловия. Я бы, конечно, не имел смелости беспокоить Вас и просить Вас об этом, если бы Вы сами не вызвались это сделать. Впрочем, я думаю, что Вы не жалеете и не пожалеете также и в будущем. Итак, очень прошу Вас сообщить мне или Б[онч]-Бруевичу, когда намерены дать предисловие. Книга, очевидно, выйдет к январю.

Как Ваше здоровье? Хотя я очень ценю Ваше время, но все же, если хотите меня обрадовать, напишите письмо. Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Иоффе.

Адрес: Davos-Platz, Dr. J. Joffe.
Russisches Sanatorium

Варшава, Марта 3 дня 1914 г.
Дорогой Георгий Валентинович!

С великой радостью узнал, что в скором времени выйдет первый том Вашей “Истории русской общественной мысли”. Для меня это был сюрприз. С величайшим нетерпением буду ждать выхода в свет этого Вашего произведения, которое, несомненно, будет во всех отношениях трудом замечательным

и выдающимся. Должен сказать откровенно, что когда я прочитал в “Русск[их] вед[омостях]”²¹ объявление о Вашей Истории, я от радости, что называется, подпрыгнул. День этот был для меня одним из самых радостных и счастливых в моей жизни и превратился в настоящий праздник. Прочитав объявление, решил поделиться с Вами радостью своей. История русской общ[ественной] мысли должна выйти именно из-под Вашего пера. Такая работа теперь более, чем когда бы то ни было нужна — теперь, после столь многочисленных неудачных попыток (Разумника et К^о)²². Я убежден, что на Ваших произведениях вообще и в частности на Вашей Истории будут воспитываться поколения. И я радуюсь и радуюсь.

Я несколько виноват перед Вами, так как не ответил Вам на Ваше открытое письмо, посланное в Давос. Кстати должен [нрзб, два слова зачеркнуты] обрадовать Вас: я совершенно здоров и “благоденствую” в Варшаве. Если бы я мог очутиться за границей, то первый визит сделал бы Вам, если бы, конечно, здоровье позволяло. В Давосе мой брат, который действительно очень болен. Я же пока здоров — за будущее не ручаюсь. Пересылаю же письма брату для большей уверенности, что они дойдут по назначению.

Февраль месяц прошел, а Вы никаких гранок от Бонча не получили и предисловия не написали. Что будет с этой моей несчастной книгой — не знаю. С Бончем я столкнуться не могу. Поэтому я вынужден Вас просить, чтобы Вы потрудились написать ему. Объявления о выходе книги он печатал, но самая книга не выходит и не печатается. Какая у него произошла заминка — ума не приложу. Я думаю, что если бы Вы его “подогрели”, то он бы поспешил. Мне уже прямо неловко. Для меня “ликвидация” этой книги имеет значение еще постольку, поскольку не в состоянии взяться за другую солидную работу. Еще раз прошу сообщить ему, что Вы напишете предисловие — ведь он это знает только от меня. Вы можете и попросить его, чтобы он поспешил с изданием работы. Буду Вам очень и очень благодарен. Должны же Вы “позаботиться” о своих учениках. Надеюсь, что Вы исполните мою просьбу

Как Ваше здоровье? Если хотите доставлять мне удовольствие, пишите чаще и непременно уж о своем здоровье. Пожалуйста, не задерживайте ответа, так как брат мой остается в Цюрихе недолго. Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку. Желаю доброго здоровья и всего наилучшего.

Ваш А. Деборин

1) Адрес Бонч-Бруевича: С.-Петербург, Фонтанка 38, кв. 19. Издательство “Жизнь и знание”.

2) Мой адрес: Dr. J. Joffe
Zürich
Kantonsspital

²¹ “Русские ведомости” — газета, издавалась в Москве в 1863–1918 годах.

²² Иванов-Разумник Р.В. (1878–1946), историк и литературовед. Имеется в виду его “История русской общественной мысли” (1906).

P.S. Дорогой Георгий Валентинович!

Вы пишете, что рады тому, что наши отношения возобновились. Я был бы счастлив, если бы наша переписка носила более систематический и постоянный характер.

Варшава, Апреля 8 дня 1914 г.
Дорогой Георгий Валентинович!

Представьте себе мое огорчение: не получил Вашего письма. Из Цюриха мне сообщили, что выслали Ваше письмо, но вот уже прошло три недели с тех пор, а письма все нет. Письмо, видно, попало в ненадлежащие руки. Главным образом меня огорчает, что я не знаю даже содержания письма. Вы так редко пишете, и должно же случиться так, что именно Ваше письмо затерялось.

Беда одна не приходит. От Бонча узнал, что задержка в деле издания книги происходит не по его вине. Он мне сообщил, что Вы ему писали. Чрезвычайно тронут Вашей заботливостью²³.

С радостью узнал, что уже вышел в свет первый том Вашей Истории. Я еще книги не видел.

С нетерпением жду также появления Вашего еженедельника, который, надеюсь, сыграет решающую роль в деле объединения.

Еще раз выражаю свое глубокое сожаление по поводу пропажи Вашего письма. Мне совестно просить Вас написать “копию”. Но мне также тяжело остаться в неведении насчет его содержания. Мне так дорога каждая Ваша строка, что потеря письма составляет для меня прямо несчастье.

Напишите непременно, как Ваше здоровье. Всего Вам наилучшего. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Иоффе

Адрес: Herrn Dr. J. Joffe, Lokamo Poste-restante.

²³ В.Д. Бонч-Бруевич 28 марта 1914 года написал Г.В. Плеханову о том, что книга А.М. Деборина в феврале была отдана в набор, но печатание было приостановлено из-за забастовки типографских рабочих (см.: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова: в 3 т. Т. 3. М., 1974. С. 291).

Елисаветград, 6/IX — 1915 г.

Дорогой Георгий Валентинович,

Сегодня я получил от Вл. Дм. Бонч-Бруевича письмо, в котором он жалуется, что не может выпустить в свет мою книгу за неимением Вашего предисловия.

Я Вам несколько раз уже писал об этом, но ответа получить, разумеется, не мог. Набор давно уже готов, и мы только и ждем Вашего предисловия. Вы знаете, что о Вашем предисловии я мечтаю, что [нрзб, фраза зачеркнута] без Вашего предисловия я не согласился бы выпустить книгу в свет. Книга теряет для меня всю ценность (общественную), если она не будет снабжена Вашим предисловием. Ввиду этого я еще раз прошу

Вас, дорогой Георгий Валентинович, поспешить с предисловием. Теперь как раз время выпустить книгу в свет. Не следует забывать, что прошло уже ровно восемь лет, как она написана, и мне стоило уже много здоровья, что нельзя было выпустить ее в свет раньше.

Очевидно, мои письма до Вас не дошли; в противном случае я себе не представляю, чтобы Вы не исполнили моей просьбы. На этот раз, надеюсь, письмо мое дойдет уже по назначению, и Вы не замедлите выслать Бончу предисловие. Я Вас очень и очень прошу поспешить. Имею основание думать, что Вы мне в этой моей просьбе не откажете. Конечно, в другое время я писал бы Вам больше и не был бы, вероятно, так далек (расстоянием, конечно) от Вас. К сожалению, теперь такие времена, когда все темы, так сказать, “исчерпаны”. Трудно писать о чем бы то ни было ввиду переживаемого ужаса. Я даже и просить Вас сейчас не могу и не умею. Все кажется таким ничтожным и мелким перед лицом того великого и страшного, свидетелями которого мы являемся.

Мне бы так хотелось знать, как Вы себя чувствуете. Читая, однако, Ваши статьи, я убеждаюсь, что Вы здоровы. Буду надеяться, что Вы действительно хорошо себя чувствуете, и что Вы в состоянии много работать. Мне бы страшно хотелось получить от Вас хоть несколько строк, но, к сожалению, у меня нет сейчас постоянного места жительства. Ведь я на положении беженца. Впрочем, если у Вас будет охота, можете написать по адресу Бонча или Совр[еменного] Мира. Я буду счастлив получить от Вас весточку.

Еще раз повторяю мою просьбу относительно предисловия. Пожалуйста, не задерживайте. Очень бы хотелось покончить с этой работой.

Будьте здоровы. Привет Вашей семье.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Деборин

[Воронеж, 3 апреля 1917 г.]

Телеграмма № 0263

Плеханову. “Европейская” гостиница.

Петроград =

Михайловская ул. 1

Счастлив приветствовать дорогого учителя и идейного вождя революции и социализма в свободной России = Иоффе-Деборин. Мало Дворянская 63